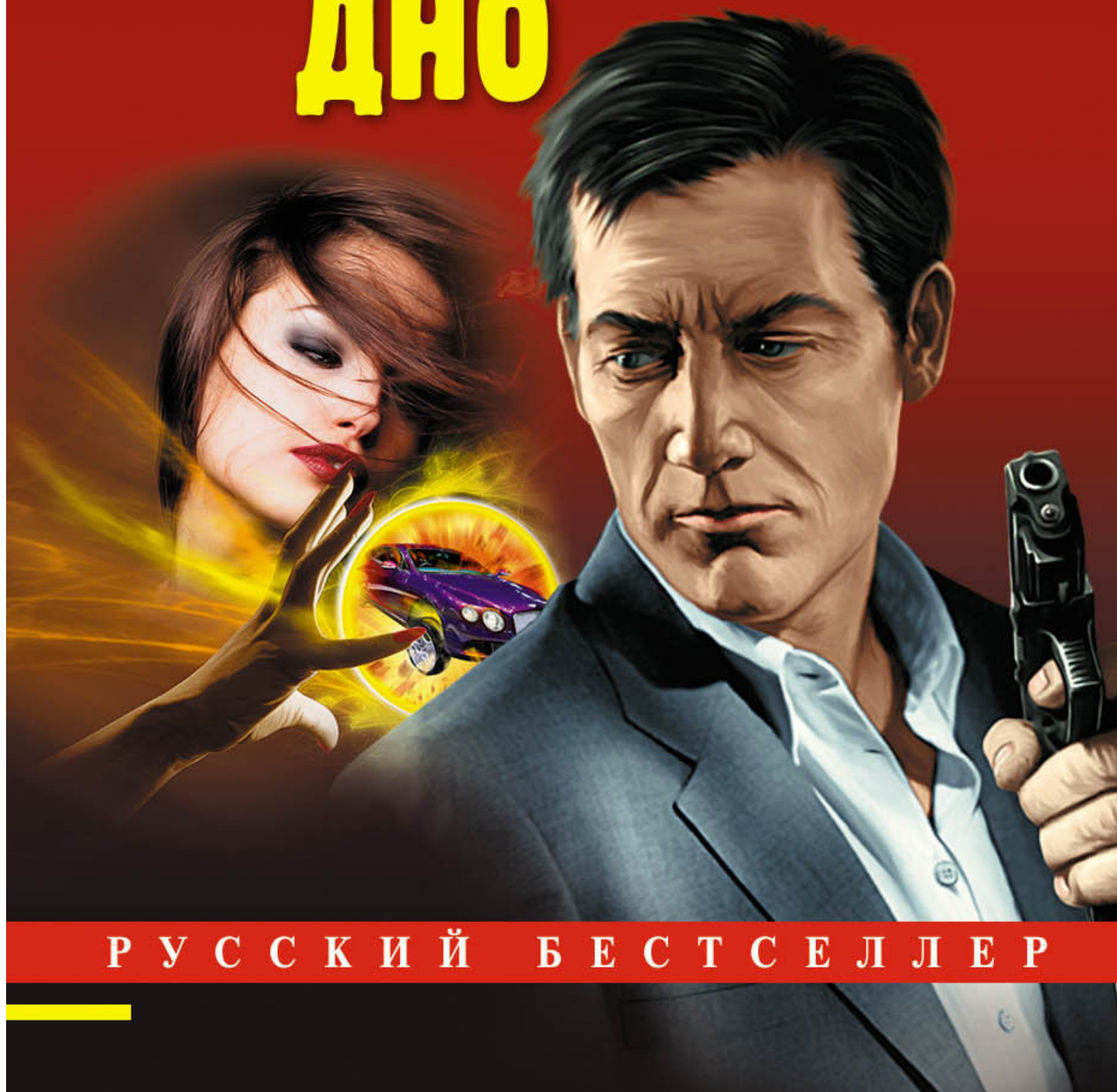

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Полицейское ДНО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов
Полицейское дно

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Полицейское дно / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2019 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-105455-7

В городе Усть-Владимирске ведется успешная борьба с наркотиками. Однако отчетность тамошних полицейских кажется руководству МВД показной. Разобраться в ситуации поручено полковнику Гурову. Он едет на место, где становится свидетелем попытки самоубийства дочери одного из оперативников. Что это – минутная человеческая слабость или роковое стечение обстоятельств? Девушка до недавнего времени работала в отделе по борьбе с наркотиками, но неожиданно уволилась и перестала общаться с бывшими коллегами. Гуров начинает расследование и постепенно понимает, что вступил в смертельную схватку с безжалостными «оборотнями в погонах»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105455-7

© Леонов Н. И., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Леонов, Алексей Макеев

Полицейское дно

Глава 1

Генерал Орлов был сама галантность. Когда он поднялся на сцену после окончания спектакля с букетом шикарных роз и, чуть склонив голову, подал его Марии, актеры с восхищением притихли. Сцена хранила еще ауру дворянского века. Интерьеры помещения в духе позапрошлого столетия, костюмы актеров. Казалось, даже выражения лиц исполнителей еще хранили образы их героев.

– Машенька, должен признать, что сегодня ты превзошла себя. Потрясен, взволнован, восхищен!

– Ах, Петр Николаевич! – Мария с улыбкой поднесла цветы к лицу. – Ты редкий гость в нашем театре, и тем приятнее получить от тебя похвалу и цветы.

В театре все прекрасно знали мужа Марии Строевой – полковника полиции Гурова. Знали и его близких друзей и коллег – полковника Крячко и генерала Орлова. Они действительно были редкими гостями на спектаклях, разве что кроме самого Льва. Гуров любил бывать в театре, ему нравилось смотреть, как играет его жена, нравилась эта атмосфера, даже запах театра нравился. Странные чувства одолевали его в этих стенах. Лев как будто погружался в другой мир, в котором кипела жизнь, бушевали страсти, здесь любили, ненавидели, предавали и дарили счастье, но это была игра. Красивая игра в счастье, в добрые и благородные поступки. Театр учил любить, ценить прекрасное и верить в любовь.

Нет, Гуров очень любил свою работу, и, если бы ему дали шанс еще раз прожить свою жизнь, он обязательно снова стал бы сыщиком, как в полиции испокон веков принято называть оперативников уголовного розыска. Нельзя сказать, что в театре он отдыхал от своей работы. Если ты любишь работу, то ты от нее не устаешь, просто у тебя периодически появляется потребность взглянуть на мир иными глазами, через призму театра, а значит, через призму чистых чувств. Иногда хотелось убедиться, что в мире по-прежнему существует что-то еще, кроме грабителей, насильников, воров разных мастей и людей, которые страдают от них или симпатизируют им, норовя оказаться в этой среде. Кто в поисках легкой наживы, кто в поисках ложной воровской романтики, а кто просто по причине слабого характера, отсутствия воли и... чувства прекрасного.

– Ну, о чем задумался? – спросил Крячко, чуть толкнув Гурова в бок локтем.

– О прекрасном, конечно, – засмеялся Лев. – Ну что, ребята, Маша, конечно, права, мы редко стали собираться вместе. Поехали: ресторан так ресторан. Посидим, повспоминаем...

– Потанцуем, – с улыбкой вставила Мария.

Вечер удался на славу: прекрасная кухня, молодой и очень талантливый саксофонист играл блюзы, слушая которые хотелось мечтать и просто молча сидеть, наслаждаясь звуками инструмента. Две совсем молодые девушки пели незнакомые песни. И это тоже было приятно – отдохнуть от обыденности, от мелодий, которые на слуху, которые слышишь каждый день на каждом углу.

Маша встретила в ресторане старую знакомую, и они вышли поболтать на веранду, оставив мужчин за столиком.

– Ну что, ты собрался? – спросил Орлов, покручивая в ладонях стакан с минеральной водой. – Едешь завтра? Как Маша, еще не ворчит из-за частых твоих командировок?

– Привыкла, – пожал Лев плечами. – И потом, она умная женщина, понимает, что работа есть работа. Она никогда не смешивает служебное и личное. Знаешь, как в театре – не смешивают действие на сцене и реальную жизнь.

– Она не ворчать должна, а сочувствовать, – хмыкнул Крячко, откинувшись в кресле и поигрывая зажатой во рту зубочисткой. – Рутина, скучища. Плановая проверка, бумаги, отчеты.

– Ну, рутина нужная, – возразил Орлов. – Мы Управление уголовного розыска Усть-Владими́рова вставили в план только в этом году. И потому вставили, что есть определенные сомнения в тех данных, которые нам оттуда присылают.

– Я помню, – вздохнул Крячко. – Лева и настоял на этом.

– Ребята, у меня новые сомнения появились, – отставляя от себя бокал, ответил Гуров. – Я сегодня, когда к командировке готовился, еще с кое-какими данными познакомился. У меня сложилось впечатление, что за последние года два в Усть-Владими́рове активизировалась борьба с распространением наркотиков. Процент раскрываемости в этом виде преступления с каждым отчетным периодом все выше и выше.

– Это, конечно, хорошо, – с удивлением посмотрел на напарника Стас, – но только я не помню, чтобы Усть-Владими́ровский район у нас числился в списке наиболее неблагополучных в плане роста наркомании. И наркотрафик из Средней Азии и Казахстана проходит южнее.

– Любопытно, – поддержал его Орлов. – Распространителей наркотиков сажают регулярно и из отчетного периода в отчетный период все больше, а наркомания в районе не растет. Хорошо, если по этой причине не растет, то есть что торговцев вовремя ловят. Только мы-то с вами знаем прекрасно, что ловятся далеко не все и что борьбой с наркоманией на этом уровне мало чего добьешься. Ликвидировать нужно дилеров, центры, голову снимать нужно. Но там и всплеска наркомании нет. Или есть?

– Нет, я поднимал данные медиков.

– Ладно, надеюсь, Лева, что ты просто ошибаешься, – хмуро ответил Орлов. – Бывает такое, что по документам видимость одна, а в реальности все несколько иначе.

– Если ты о приписках, – возразил Гуров, – то приписывают в отчетах успехи в среднем по всем направлениям. Так не бывает, чтобы в одном.

– Ладно, смотри там на месте, – кивнул генерал. – И на рожон не лезь. Будет что-то серьезное – сразу звони, я тебе помощь вышлю.

– Тихо, – прошептал Крячко, – Маша идет. О работе ни слова.

– А еще, помнишь, случай был, – энергично начал вспоминать Петр Николаевич, с энтузиазмом жестикулируя. – Лев Иванович тогда еще капитаном был...

– Что, сыщики, молодость вспоминаете? – улыбнулась Мария, усаживаясь на свое место и протягивая мужу бокал. – Налей мне, пожалуйста, сок...

Гуров не был в Усть-Владими́рове лет семь. Ведомственная гостиница УВД стала комфортнее, но сам город мало изменился. Он так и остался крупным районным центром на Волге, в котором преобладала зелень, старые купеческие постройки. Жизнь здесь текла медленнее, чем в Москве, не было того бешеного ритма, энергии. Но зато в Усть-Владими́рове Гуров чаще видел улыбки на лицах людей. Только здесь люди могли идти по улице и улыбаться своим мыслям. Или мечтам.

Выйдя из гостиницы, он двинулся в сторону местного Управления внутренних дел, но потом сбавил шаг. Нет, так нельзя. Дело делом, командировка командировкой, но почтить память товарища нужно. Завтра, даже уже сегодня он увязнет в документации, начнет проводить проверку, и у него не останется времени даже спокойно пообедать. Лучше сейчас, решил Гуров. Буду считать, что он меня встретил, как и положено хозяину по отношению к гостю города.

Старший оперуполномоченный уголовного розыска майор милиции Алексей Морев погиб восемь лет назад. Да, тогда еще была милиция... Как давно это было, и в то же время все было будто вчера. Впервые Гуров приезжал в этот город не с проверкой работы подразделения уголовного розыска, а по делу о хищении из музея. Было это, кажется, двенадцать лет назад. Привела их тогда цепочка улик из Москвы на Волгу. Алексей был еще старшим лейтенантом. Вместе они работали всего три недели, но у Льва успело сложиться впечатление о Мореве как об умном, энергичном, грамотном оперативнике. Потом, восемь лет назад, Главному управлению уголовного розыска понадобилась помощь местных оперативников для определения места нахождения и задержания опасного преступника. Следом за отправленной ориентировкой в Усть-Владимиров приехал и Гуров, чтобы на месте контролировать ведение операции. И снова судьба свела его с Моревым, который успел вырасти до старшего опера и только что получил звание майора милиции. По мнению Гурова, это было справедливым признанием местным руководством заслуг и талантов Алексея.

Тогда-то Лев и побывал у Моревы дома, поразившись тому, что майор, оказывается, успевает не только по службе, он еще умудряется в одиночку растить и воспитывать дочь. Очень симпатичная и жизнерадостная девчужка-школьница. Теперь Светлана Морева уже взрослая девушка. Надо бы навестить ее, если адрес не изменился, подумал он. Слишком поздно они с Крячко узнали о гибели Алексея Морева, спустя только полтора месяца, и то случайно.

Почему Гуров поехал именно на Березовское кладбище, он не мог себе ответить. В городе три кладбища, но два были закрыты для захоронения еще восемь лет назад. Об этом Лев помнил, в прошлую свою командировку они как раз с кладбищами сталкивались. Но Морева могли похоронить на любом, например вместе с матерью. Подзахоронение допускалось в старые могилы и на закрытых кладбищах.

Сыщик не ошибся. В конторе его встретили не очень любезно и попытались отправить в центральный офис, где в архиве хранились все книги за прошлые годы. Но служебное удостоверение сделало свое дело, и информацию удалось получить с помощью телефона. Через пятнадцать минут из центрального офиса сообщили номер участка и могилы. Гуров поблагодарил, купил у входа несколько живых тюльпанов и двинулся по дорожке между могилами.

Тишина. Почему на кладбищах всегда так тихо? Кто-то может сказать, что они располагаются вдали от города, что здесь поблизости нет производственных предприятий, да и люди, посещающие кладбища, ведут себя тихо, степенно. И все же, если сравнить тишину городского парка, скажем, в ранние часы, когда в нем малоллюдно, то все равно в парке услышишь, как рабочий подметает дорожку, как в кронах деревьев кричат птицы, как хлопают их крылья, когда они перелетают с ветки на ветку. На кладбище, кажется, все происходит почти беззвучно. Беззвучно пролетают птицы, не скрипит тележка рабочего. Здесь удивительно спокойно, даже ветер, кажется, затихает и впадает в философскую задумчивость.

Кладбище было пустынным. Будний день, наверное, в выходные здесь больше посетителей, подумал Лев, машинально глядя на памятники, на фотографии. Как много похоронено молодых людей, даже до тридцати лет. А ведь это трагедия в семье, большая трагедия. Когда вот так, на подъеме, когда, казалось бы, человек должен достигать первых вершин, рожать детей и... все! Смерть. И причины объяснимы. Несчастный случай, болезнь...

Вот и двадцать восьмой участок. На одной могилке убиралась пожилая пара, чуть дальше старушка сидела на лавочке у ограды, а парень с девушкой высаживали цветы, о чем-то тихо переговариваясь. Чуть дальше еще одна женщина стояла возле могилы. Гуров отметил опущенные плечи, придавленные горем. Да, подумал он, сюда за счастьем и положительными эмоциями не ходят, сюда людей приводит горе. И чем ближе Лев подходил к могиле и стоявшей перед ней одинокой женщине, тем большее волнение одолевало сыщика. Он вдруг понял, что, судя по нумерации, это и есть место, где похоронен Алексей Морев. Неужели... нет, жена у него умерла очень давно, может, кто-то из родственников. Для дочери эта женщина слишком...

Гуров сбавил шаг, глядя на поникшие плечи женщины, на неухоженные волосы. Может, не стоит ему подходить и тревожить эту незнакомку, а подождать, пока она уйдет? Женщина протянула руку, и пакет с какими-то вещами упал на лавочку возле ограды. Упал странно, как будто брошен был вялой, неуверенной рукой. Или она пьяна? Пакет свалился с лавки куда-то за куст рябины, и тут стало происходить нечто до такой степени нелепое, нереальное, что Лев не сразу поверил своим глазам. В руке женщины откуда-то появился пистолет. Она подняла его и прижала дулом к своей груди. Тихо, но вполне внятно прозвучал женский голос:

– Прости, папа, я больше не могу! Я хочу к тебе...

– Света! – с отчаянием выдохнул Гуров и бросился вперед.

Бросок был такой силы, что он едва не вывихнул себе ногу. Ему удалось схватить девушку за кисть руки, но выстрел грохнул, и сыщик физически ощутил, как вздрогнуло от боли тело Светланы. Они упали рядом на траву лицом друг к другу. Лев еще сжимал кисть ее руки, когда увидел, что рубашка и легкая куртка на груди Светланы стали напитываться кровью. Дыхание у раненой стало прерывистым, из горла доносилось хриплое бульканье. Ругая себя последними словами за нерасторопность и недогадливость, он стащил с девушки куртку, скомкал ее и прижал к ране на груди. Главное, не дать воздуху попасть в рану, не дать скопиться воздуху в плевральной полости.

– Помогите! – крикнул Гуров парню и девушке, которые замерли на месте и смотрели, что происходит. Выстрел они явно слышали. – Скорее сюда, помогите мне!

Парень бросился к зовущему на помощь мужчине первым, за ним побежала девушка. Не вдаваясь в объяснения, Гуров стал приказывать, бросая резкие фразы:

– Быстро вызывайте «Скорую помощь»! Рассказывайте диспетчеру: неизвестная девушка, на вид двадцать три – двадцать пять лет. Попытка суицида, проникающее огнестрельное ранение грудной полости. Повреждение левого легкого, возможно, и сердечной мышцы. Кровотечение не обильное.

Парень вытащил из кармана смартфон и быстро набрал номер. Он повторял слова Гурова слово в слово, девушка, ухватив за рукав молодого человека, с ужасом смотрела на раненую. Лев покрутил головой, осматриваясь по сторонам. «Скорая» к могиле не сможет подъехать. Машина остановится на аллее, и сюда придется нести носилки, а потом девушку на этих носилках назад к машине. Время, время!

– У вас есть бинт или что-то в этом роде? – спросил он ребят.

Те переглянулись и замотали головами. Гуров снова стал торопливо перечислять то, что могло бы сейчас помочь. Может, полоса ткани, большой платок. Наконец девушка догадалась:

– Скотч есть! Подойдет?

Сбегав назад к своей сумке, она принесла рулон прозрачного скотча. Показав, как надо помочь, Лев плотно примотал к ране свернутую летнюю курточку Светланы. Девушка уже не стонала. Дыхание было по-прежнему поверхностным, булькающим. Но, к счастью, через несколько секунд на дорожку между могилами въехала машина «Скорой помощи». К этому времени Лев уже перенес девушку на руках к самой дорожке. Медики занялись своими манипуляциями, стали устанавливать капельницу, закатали рукав рубашки, когда подъехал полицейский «уазик».

Капитан с красными глазами хронически невысыпающегося человека неторопливо выбрался из машины и подошел к «Скорой».

– Здесь, что ли, застрелилась девушка? – хмуро осведомился он. – Кто был свидетелями?

– Она жива, – ответил Гуров и кивнул на машину «Скорой помощи», которая наконец тронулась с места.

Но на капитана это сообщение не произвело никакого впечатления. Он даже не глянул на машину, не записал номера бригады. Взгляд полицейского был прикован к лежащему на земле пистолету и нескольким каплям крови на траве. Гуров тоже посмотрел на оружие. Обычный

«ПМ». Но первое, что ему бросилось в глаза, это спиленный номер. Да и вообще оружие было старым, местами от воронения не осталось и следа. Капитан присел на корточки, извлек из кармана полиэтиленовый пакет и осторожно положил в него пистолет. Гильзу он подцепил найденной щепкой и тоже уложил в пакет, а потом, ни на кого не глядя, спросил:

– Как это произошло?

– Я проходил мимо могилы, – стал рассказывать Лев, – когда увидел в руке девушки пистолет, который она прижала к груди. Попытался выбить оружие, помешать ей, но не успел. Она выстрелила. Как мог, я оказал первую помощь раненой, ребята позвонили в «Скорую помощь». Вот и все.

Рассказывая, он смотрел на равнодушное лицо капитана. Странно, что тот не вызвал экспертов, оперативно-следственную группу. А ведь речь идет о боевом оружии. И он прекрасно видит, что на оружии нет номера. Каким образом они в местном отделении будут возбуждать уголовное дело? Или он уже знает, что никакого дела не будет? Его и личность пострадавшей не интересует?

– Фамилия, имя, отчество, адрес регистрации? – монотонно потребовал полицейский, доставая блокнот и авторучку.

И тут Гурову вдруг вспомнилось, как Алексей Морев ему в свое время рассказывал, что Светка мечтает пойти по его стопам, хочет тоже работать в органах внутренних дел. И если она аттестованный сотрудник полиции, тогда все произошедшее имеет совершенно иную окраску. Более зловещую! Э, нет, решил Лев, я тебе, дружок, своего имени и звания не назову. Алексей погиб, а я даже толком не знаю, при каких обстоятельствах. Теперь его дочь стреляется на могиле отца со словами: «Папа, я больше не могу».

– Никифоров, – соврал Гуров, догадываясь, что документов, подтверждающих личность, с него никто требовать не собирается. – Никифоров, Сергей Николаевич. Московская, двадцать шесть, квартира четырнадцать.

Капитан записал продиктованные данные и повернулся к парню и девушке. Они назвали, подтвердили все, что видели, и капитан, сунув блокнот в карман, пошел к своей машине. Молодые люди, потоптавшись на месте, угрюмо кивнули Гурову и ушли. Постояв, Лев опустился на лавочку и перевел взгляд на потускневшее фото Морева. Майор смотрел на него с памятника уверенным взглядом сильного характером мужчины. Собственно, таким Алексей и был при жизни. Гуров помнил его в работе.

– Что же случилось с твоей девочкой, Леша? – прошептал сыщик, глядя на фотографию. – Ладно, тебя нет, но это теперь мой долг разобраться и помочь ей. Если она, конечно, выживет. Чуть-чуть я не успел, ты уж прости. Но как я мог догадаться, что она будет стреляться. Я ведь и не узнал ее сзади. Когда я твою дочь видел в последний раз, ей было лет шестнадцать всего, школьница ведь. А теперь она уже взрослая женщина. Хотя получается, что ей всего двадцать четыре года? А выглядит твоя Светлана... Что с ней, Алексей?

Убедившись, что на него никто не обращает внимания, он нагнулся, поднял с травы пакет, брошенный Светланой, и неторопливо побрел к выходу с кладбища. Первым делом возле цистерны с технической водой тщательно смыл с рук кровь, вытер их салфеткой и только потом вышел через ворота на улицу. Город Лев помнил прекрасно, и ему не составило труда «провериться», проходя дворами и через запасные выходы магазинов на другие улицы. Нет, за ним не следили. Конечно, современная техника наружного наблюдения настолько высока, что заметить тщательно подготовленную слежку практически невозможно. Но в его случае о тщательной подготовке говорить не приходилось. Он оказался случайным действующим лицом в этом трагическом спектакле. Его присутствие не могли учесть те, кто, возможно, вел наблюдение за Светланой.

«Вряд ли за ней было наблюдение, – сам себе возразил Гуров. – Хотя я представления не имею, что с ней творится, что вообще творится в городе. Но если наблюдение было, то моя

физиономия у наблюдателей во всей красе теперь есть. Установить мою личность не составит труда. И то, что я ушел с кладбища с пакетом Морева, тоже не скрыть. Но теперь уже ничего не изменишь». И он поспешно направился в сторону своей гостиницы.

Заперев дверь своего номера изнутри, Лев снял пиджак, распустил узел галстука и уселся за стол. Как он и ожидал, в пакете не было косметички и другого чисто женского хозяйства. Их в пакетах для продуктов с символикой сети магазинов «Магнит» не носят, для этого у женщин есть сумочки. В карманах куртки, которую он на кладбище сворачивал и прижимал ею рану, тоже, кажется, ничего не было. У него появилось ощущение, что в такую погоду летнюю курточку Светлана надела с одной-единственной целью – скрыть под ней пистолет. Наверное, она его принесла, заткнув за пояс джинсов. Да, он помнил это движение, которым она достала пистолет. Из-за пояса.

В пакете Лев обнаружил большой конверт, формата А4. В нем оказались все документы Светланы Алексеевны Морева, даже свидетельство о рождении. Он раскрыл диплом Академии МВД. Его догадка подтвердилась – Света действительно пошла по стопам отца. Служебного удостоверения офицера полиции в пакете не было, но, судя по тому, что девушка окончила полицейский вуз два года назад, она вполне могла быть офицером полиции. Но зачем она все эти документы носила с собой? Или куда она их несла?

Ответ напрашивался сам собой. В конверте лежала небольшая фабричная бутылочка бензина для зажигалок. А вот и зажигалка... Светлана хотела сжечь все свои документы? Зачем? И почему не сожгла, если было такое намерение? Ведь ей никто не мешал сделать это, например, там же на кладбище. И никакой записки. Часто люди, решившиеся на самоубийство, все же оставляют записку, хоть какое-то послание или объяснение, почему они приняли такое решение. Эх, Светлана, Светлана! Что же с тобой все-таки произошло?

Гуров покрутил в руках смартфон. Включил, полистал историю звонков, список контактов. Не такой уж и большой был список для молодой девушки. Он на скорую руку пролистал номера в памяти и убедился, что они местные. Ладно, телефон придется изучать основательно, но не сейчас, решил сыщик и положил его в карман пиджака. А пакет с документами Морева спрятал в самое надежное место, которое только мог придумать, – он арендовал банковскую ячейку. Пусть девушка лежит в больнице инкогнито. Ничего страшного, может, даже так безопаснее для нее. А он пока попробует понять, что случилось. Лишь бы она выжила...

В местное Управление внутренних дел Гуров заявился только в четыре часа дня. Ничего, подумал он, пусть считают это капризами столичного начальства. Начальника управления на месте не было, он уехал к областному начальству, а полковника Гурова встретил его заместитель по оперативной работе. Подполковник Семанов был полным высоким мужчиной с редкими светлыми волосами и бесцветными водянистыми глазами. Смотреть Олегу Васильевичу Семанову в глаза было неприятно – они ничего не выражали. Зато его бархатный баритон выражал полную готовность угодить московскому проверяющему, создать все условия и даже более того. Лев не стал уточнять, что конкретно кроется под словами «более того». Он не первый день работал в главке, это его не первая выездная проверка, и все уловки и старания руководителей на местах он знал прекрасно.

Кабинет к приезду проверяющего был готов. Судя по следам на линолеуме, отсюда вынесли два стола. Значит, тут размещались трое оперативников, и их куда-то «выселили». Да, тесно и неудобно тут работают люди, невольно подумал Лев, осматривая помещение и слушая пояснения Семанова.

– Кофеварку вам поставили, электрочайник. Бывает, что и задерживаться приходится, я ведь понимаю. А если надо, то и бутерброды можно из буфета приносить. Это помимо обычного питания в нашей столовой. Я распоряжусь, чтобы вам в буфете оставляли. Компьютер чистый вам собрали, к Интернету подключен. Городской телефон, а вон тот белый аппарат

– это внутренний. На тот случай, если надо будет с дежурной частью или со мной связаться срочно. Мобильная связь в здании берет хорошо. Никто не жаловался.

Дивана тут не хватает, усмехнулся про себя Лев. Или кресла для отдыха. Умные, понимают, что уставшего проверяющего не в кабинете устраивать надо, а вести отдыхать в гостиницу или в другие места. Знаем, проходили все это.

– Хорошо, – кивнул он, усаживаясь за стол в глубокое кресло и включая компьютер. – Мне нужна следующая документация...

Отчеты, статистику ему прислали на компьютер по локальной сети. Проверку использования оперативных средств Гуров оставил на другие дни, такие документы лучше по кабинетам не таскать, а розыскные дела решил проверять, как обычно, выборочно.

И началась рутина. Документы, документы, электронные, бумажные, оперативные установки, рапорты, объяснения, отказные материалы... Сколько полковнику Гурову пришлось собственноручно готовить таких документов, вести подобных дел, работая оперативников в МУРе. Знал он и сложности, и основные ошибки видел, когда ему в руки попадали материалы, подготовленные откровенным разгильдяем.

Есть нарушения, которые нельзя назвать серьезными. Например, если ты ежедневно не вкладываешь какую-то бумагу, какой-то документ в розыскное дело, то начальство тебя обвинит в том, что ты по этому делу не работаешь. И план работы составляется тоже обычно так, чтобы убедить начальство, что объем предполагается большой, что оперативник загружен. А некоторые планы составляются чуть ли не на колене за пять минут до начала утренней «оперативки». И продумать толком некогда, и пишется так, чтобы хоть пунктов было побольше. Начальство посмотрит такой план, пожурит за что-нибудь и утвердит. И легла очередная бумага в дело. А потом оперативник закрутился и, вдруг вспомнив, что три дня уже ничего не добавлял, начинает сочинять правдоподобные рапорты о том, что выезжал туда-то и туда-то, по таким-то адресам, что по показанию свидетелей удалось выяснить то-то и то-то, но самого нужного человека, которого необходимо было допросить, дома не оказалось, что уехал он в командировку или к родственникам в другой город.

Имитация работы? Вообще-то да, но куда деваться и как все успевать, когда на каждого опера по восемь-двенадцать дел, а иногда и больше. И на каждое – жесткий срок. И ты должен успеть собрать сведения, провести оперативные мероприятия и принять решение о необходимости возбуждения уголовного дела. Иными словами, должен раскрыть это преступление или составить документы об отказе в возбуждении уголовного дела в соответствии с теми-то и теми-то пунктами Уголовно-процессуального кодекса. А тебе начальство уже снова и снова отписывает дела и заявления. А там еще из «алфавитки» на тебя сыплются новые заявления по принадлежности, то есть по той территории города или района, что за тобой закреплена.

Гуров часто думал, что, если бы писатели и «киношники» показывали ту работу оперативников, которой они уделяют основную часть своего рабочего времени, читатели и зрители умерли бы со скуки. В книгах и кино опер сидит в ресторане, задумчиво идет по парку, составляя в уме хитрые комбинации. Хватает преступника, и тот начинает как миленький колотиться на первом же допросе, сдавая подельников, указывая места, где находится награбленное или где имеются улики. Как все это далеко от реальной оперативной работы...

Начав проверку, Лев не мог избавиться от мыслей о Светлане Моревой. Искать сейчас больницу, куда ее отвезли, не стоит. Жаль девушку, но выжить он ей своим появлением не поможет. А вот разобраться в том, что с ней произошло, что ее подтолкнуло к суициду, он просто обязан. И не только в память об ее отце. Это его долг перед ней как перед человеком, как перед обычным гражданином. Поступая на работу в милицию много лет назад, он принимал присягу верно служить людям и защищать их и за все время службы ни на шаг не отступал от своего долга.

Собственно, во время проведения проверки в памяти Гуров держал даже не один, а два «узелочка». Первый – это Светлана Морева, а второй – выявленная еще в Москве странность с увеличением дел по раскрытию распространителей наркотиков. Льву приходилось прилагать максимум осторожности, чтобы не выдать своего особого внимания именно этим делам. На первый взгляд ничего необычного, и цепочка вполне стандартная: оперативная информация, о том что почти каждый день одним и тем же маршрутом в одно и то же время ходит гражданин, который подозревается в распространении наркотиков. Информация подтверждается перекрестной проверкой оперативным путем. Потом гражданина задерживают и находят у него пакетик с героином и купюру с заранее известным оперативникам номером. Купюра из контрольной закупки. Естественно, личность информатора не называется – это святое правило. Оперативная информация может приниматься к сведению, но не служит доказательством. Доказательством служит результат. А он имеется на все сто процентов. А то, что гражданин упирается и никак не хочет признавать свою вину, никого уже не волнует. Большинство преступников не признают свою вину. Даже на суде.

Гуров отложил очередной материал по задержанию подозреваемого с наркотиками и задумался. Получается, что ребята хорошо работают. Но есть одна нестыковка. Никаких следов, никакого намека на наркотрафик через этот район, даже через эту область. Если разобратся, то даже через соседнюю такого наркотрафика не имеется. Появился новый и его не успели выявить? Но рост числа подобных задержаний растет второй год. За год с лишним трафик уже выявили бы в любом случае. Откуда наркотики? Разумеется, это подпольный бизнес, и они есть в небольших количествах в любом городе, в любом населенном пункте. Но там и задержания единичные в общем проценте преступных дел. А здесь вон как стали выпирать в общей статистике. Парадокс. Ладно, подождем задавать вопросы, решил Лев. Попробуем сначала поискать ответы или хотя бы намеки на ответы.

Со Светланой тоже оказалось все странно. Ни в этот день, ни на следующей он так и не нашел в сводках упоминания о том, что сотрудник полиции ранен при попытке совершить самоубийство. Причем не из табельного оружия, а из пистолета с черного рынка. Номер-то на «макарове» был спилен. Ладно, размышлял Гуров, я ошибаюсь, и Светлана не работает в полиции. Не пошла она по стопам отца. Но все равно факт был, оружие есть. Где информация о происшествии, где дознание?

Проснувшись утром, Лев понял, что у него уже нет сил терпеть неизвестность. Он постоянно думал о Светлане, как она там лежит, неопознанная, на аппарате искусственной вентиляции легких, под капельницей и медленно умирает. Одна... Одинокая... И никому не нужная. Все, сразу пришло решение – он пойдет ее искать.

К вечеру в кабинет вошел молодой черноволосый мужчина в полицейской форме с майорскими погонами. Быстрые карие глаза, легкий налет седины на висках, красиво очерченные губы и очень эмоциональное, подвижное лицо.

– Разрешите, товарищ полковник?

– Да, – кивнул Лев, осмотрев визитера с ног до головы.

– Начальник отдела уголовного розыска Управления внутренних дел по Усть-Владимировскому району майор полиции Половец.

– А-а, Аркадий, Андреевич, так? – Гуров поднялся из-за стола и протянул майору руку. – Рад знакомству.

– Прошу прощения, товарищ полковник, работали в районе с сотрудниками. Понимаю, что негостеприимно, но, увы, работа – прежде всего, не мог бросить без надзора оперативную разработку, которую начали два месяца назад.

– Давайте так, обращаться ко мне лучше по имени и отчеству: Лев Иванович. Так будет проще и вам, и мне. Что касается гостеприимства, то я приехал сюда не расшаркивания ваши смотреть и проверять работу, а оказывать методическую и иную помощь. Рабочее место мне

подготовили, спасибо, материалы у меня под рукой. Так что спасибо, что зашли познакомиться. Если мне потребуется еще что-то, я вас извещу.

– Хорошо, Лев Иванович, – рассмеялся майор. – Вы просто мечта, а не проверяющий. Ну ладно, это я так. А можно узнать, хотя бы предварительно и в общих чертах: как у нас? Много нарушений наклеивается?

– Аркадий Андреевич, а вы сколько лет работаете в уголовном розыске? – вопросом на вопрос ответил Гуров.

– Семь лет, а что?

– Вопросы задаете странные, – усмехнулся Лев. – При вашем опыте и должности вы сами должны прекрасно понимать, где у вас есть нарушения, а где все чисто. Могу обещать, что сильно карать за мелочовку не буду. В работе всегда будут недостатки, на то она и живая работа, что всего не учтешь, и никак не обойтись без того, чтобы не споткнуться о какую-то букву инструкции. А вот за серьезные нарушения и спрос будет серьезный. Есть у вас серьезные нарушения в работе отдела?

– Никак нет! – с готовностью ответил майор.

– Ну и отлично, – кивнул Лев. – Идите и спокойно работайте. Вы свое дело делаете, а я буду делать свое. Мнениями обменяемся в конце.

– Я вам машину свою служебную с водителем оставлю, – серьезно сказал Половец. – Поезжу пока на своей личной.

– Нет необходимости, – покачал головой Гуров. – Гостиница недалеко, а ездить мне некуда. Если и придется, то я предупрежу заранее руководство управления. А если куда-то приспичит со старыми друзьями и знакомыми на пикничок выехать или в баньку, так они же меня и свозят, и назад доставят.

– А у вас в нашем городе есть друзья и знакомые? – удивился майор.

– А почему вас это удивляет? Вы забыли, где я работаю? У меня, Аркадий Андреевич, в каждом городе и в каждом районе столько старых и добрых знакомых накопилось за долгие годы работы, что вам и не снилось.

Глава 2

Как хорошо, что на улицах наших городов еще сохранились телефоны-автоматы. Звонить со своего мобильного Гуров не хотел, из управления тоже. Вдруг у диспетчера «Скорой помощи» записываются разговоры и телефоны абонентов, которые к ним звонят. Вопреки его опасениям, усталый женский голос не проявил признаков настороженности. Диспетчер подтвердила, что да, вчера был вызов с кладбища, девушку «Скорая» отвезла во 2-ю городскую больницу.

Лев посмотрел на часы, так, девять часов вечера. Доктора, включая и главного врача, наверняка давно уже разошлись по домам. Осталась дежурная смена. Интересно, какие указания получил дежурный врач того отделения, куда поместили Светлану. Наверное, она лежит в реанимации. Ох, нехорошая у нее была рана. Он поморщился, вспоминая состояние девушки после выстрела себе в грудь. Только бы выжила, только бы выжила! Как же ты, милая, могла решиться на такое?

В половине одиннадцатого Гуров вошел в приемное отделение 2-й городской больницы. Охранник со значком частного охранного предприятия «БРТ-007» на груди и на левом плече подошел к позднему визитеру:

– Здравствуйте, что вы хотели?

– Вчера на «Скорой помощи» сюда привезли девушку с огнестрельным ранением. Я хотел узнать о ее состоянии.

– Вы родственник? – кивнул охранник и, вернувшись к своему столу справа от входа, поднял трубку внутреннего телефона.

Гуров воздержался от прямого признания и ответил уклончиво:

– Надеюсь, что так.

– Вера Андреевна, – заговорил охранник в трубку. – Тут мужчина подошел по поводу вашей неопознанной с огнестрельным ранением.

Положив трубку, он кивнул Гурову на мягкий диван у стены и предложил присесть. Ждать пришлось недолго. Через несколько минут за стеклянной дверью с матовыми стеклами послышались быстрые шаги спускающегося по лестнице человека. Потом дверь распахнулась, и в приемный покой вошла крупная женщина средних лет в светло-синем медицинском костюме. Она посмотрела на охранника, перевела взгляд на постороннего мужчину, на которого кивнул чоповец, и подошла к Гурову:

– Это вы спрашивали про девушку? Вы знакомы с ней, родственник?

– Я хотел бы взглянуть на нее, я не уверен, – уклончиво ответил сыщик.

– Вы ищете дочь? Кто она вам? – Женщина сделала было шаг к двери, но снова остановилась, ожидая ответа Гурова.

Было понятно, что его реакция врача не удовлетворяла. «Они тут каждый день с новыми людьми общаются, сколько их проходит каждый день. Невольно станешь хорошим психологом и физиономистом, – подумал Лев. – Так просто ее не переубедить. Эх, Станислава бы сюда! Он в два счета уболтает любую женщину. Она еще и сама его потащит на опознание».

– Если это та, о ком я думаю, то она сирота. Ее отец погиб несколько лет назад. Он был моим другом, и я в какой-то мере отвечаю за нее. Тяжелая судьба, понимаете...

Глаза врача погрузнели. Она кивнула и пошла к двери. Гуров последовал за ней, внимательно слушая.

– Девушка лежит в реанимационном отделении. Я отведу вас к дежурному врачу. Сами понимаете, что нам важно знать о родственниках пациента, потому что... кому-то надо сообщить... Вы понимаете?

– Как ее состояние? – не удержался от вопроса Лев.

– Я не знаю. Спросите у врача в отделении, они ее наблюдают.

Гуров даже не ожидал, что ему удастся так просто пройти в больницу, не воспользовавшись своим служебным удостоверением. Это было очень важно – не привлекать сейчас внимания к Светлане. Ведь по какой-то причине она пыталась покончить с собой, ведь сказала она там на могиле: «Папа, я больше не могу».

В ординаторской худощавый доктор в очках с большой оправой читал какой-то толстый медицинский справочник.

– Сергей Сергеевич, этот мужчина может знать вашу девушку, которая сейчас в реанимации. Он говорит, что пропала похожая по описанию знакомая. Сирота, дочь его погибшего друга.

– Если сирота, то понятно, почему до сих пор ее никто не ищет, – отозвался доктор.

– Как ее состояние? – снова спросил Гуров, понимая, что он слишком сильно нервничает и это может броситься медикам в глаза.

– Я бы сказал, что стабильно-тяжелое, – вздохнул Сергей Сергеевич. – Пуля прошла очень близко от сердца. Чудо просто, что не задеты крупные сосуды. Как бы вам это объяснить. Сейчас для вашей знакомой опасна не столько сама рана, сколько шок, который испытал организм. Так бывает. Иногда и при более серьезных травмах здоровый организм справляется, а иногда менее серьезная рана, но шоковое состояние, и сердце готово вот-вот остановиться, нарушаются нейронные связи. Причин может быть очень много, но пока мы не можем этого объяснить. Могут показаться вам мистиком, но в медицине известны случаи, когда человек, очень желающий жить, выкарабкивается из безвыходного положения. Он просто не хочет умирать и выживает, хотя по всем признакам не мог выжить. А иногда не желающий жить человек просто угасает на глазах, хотя у медицины есть инструменты и способы вылечить его.

– Это не мистика, – покачал головой Лев и добавил: – Может быть, вы мне покажете девушку? Хотя бы будете знать, на какое имя карточку заводить.

– Пойдемте, – сделал приглашающий жест Сергей Сергеевич.

Они шли по коридору второго этажа, где в конце крыла корпуса располагался реанимационный бокс. Медсестра оторвалась от монитора и достала из шкафчика халат и бахилы. Проводив врача и гостя равнодушным взглядом, она снова уткнулась в монитор.

– Внутри мы с вами не пойдем, – предупредил Сергей Сергеевич, открывая массивную дверь. – Там все стерильно, но вы сможете увидеть девушку через стекло бокса.

Они пошли по пустому коридору, куда выходили остекленные двери. Около каждой двери имелось еще и большое окно. Одно-образные помещения с кроватями-трансформерами, позволяющими изменять положение тела лежащего человека, аппаратура с экранами и проводами, светлые кафельные стены. Два бокса были пустыми, в одном лежал немолодой мужчина, и только возле третьего бокса врач остановился и кивнул на стекло:

– Ну, вот и ваша девушка. Узнаете ее?

– Кажется, похожа, – неопределенно ответил Лев, с горечью глядя на бледное осунувшееся лицо.

Он узнал девушку, но помнил он ее совсем другой. Годы и какая-то беда сильно изменили цветущую и жизнерадостную Светлану Мореву. Ну что же, видимо, придется признаваться, называть ее, иначе его больше не пустят и не станут оповещать об изменениях состояния. Но тут внимание сыщика привлекло какое-то движение. Окно палаты выходило на больничный двор, и там, за стеклом, показалось чье-то лицо. Но ведь это второй этаж!

– Это еще что? – вырвалось у Сергея Сергеевича, который тоже увидел мужское лицо за окном.

Молодой человек двадцати с небольшим лет, с задорно зачесанной набок светлой челкой, старался разглядеть через оконное стекло лежащую на кровати Светлану. Лицо у парня было напряженное. Если еще кто-то знает, что Морева именно в этой больнице, то человек за окном

может означать все, что угодно: от киллера до важного свидетеля. Хотя киллер тут вероятнее. Заткнуть навсегда рот человеку, который не умер, хотя и должен был.

– Будьте здесь! – рыкнул Гуров врачу и бросился назад в общий коридор.

Медсестра от испуга подскочила на своем стуле возле компьютера. Мужчина, который только недавно, мирно беседуя с дежурным врачом, вошел в отделение реанимации, теперь выскочил оттуда, бешено оглядываясь по сторонам. Гурову некогда было объясняться и убеждать в чем-то молодую женщину. Он увидел то, что искал, и то, что заметил раньше, проходя по коридору, – балконную дверь. Повернув ручку, Лев выскочил на балкон, но в темноте не увидел никого возле окна палаты Светланы. Пришлось перелезть через перила балкона и, придерживаясь за водосточную трубу, спускаться вниз.

Он увидел то, что и предполагал увидеть, – веревку. Обычная альпинистская веревка, которую можно купить в любом спортивном магазине. Хотя нет, она довольно потерта, ею пользовались довольно часто. Оглянувшись по сторонам, Лев понял, что незнакомца искать и догонять бесполезно. Убежать он мог в любом направлении, на любую из трех улиц, между которыми была расположена больница. Из дверей главного входа выбежал охранник, который недавно встречал Гурова.

– Что случилось? – выпалил он, держа в руках резиновую дубинку. – Меня дежурный врач послал. В окно, что ли, кто лез?

– А вот полюбуйся, – кивнул Лев на веревку. – Ты тут все знаешь, обойди по-быстрому здание, не прячется ли кто-нибудь.

Охранник с готовностью согласился и быстрым шагом двинулся в обход. Гуров вытащил телефон и набрал Крячко:

– Здорово, Станислав! Не спишь еще?

– Еще детское время не кончилось, – хмыкнул в трубку Крячко. – Как там у тебя дела?

– Если в двух словах, то хреново. Нужна твоя помощь, но только быстро. Сейчас только ты мне можешь помочь со своими связями. Помнишь, несколько лет назад мы с тобой в Усть-Владимирове были? Опер еще один был, майор Морев, толковый такой. Он погиб потом, я тебе рассказывал.

– Морев? Если честно, то не очень помню. Но не важно! И что?

– Ладно, ты не помнишь его, потому что я с ним работал. У него осталась дочь, она окончила вуз МВД, работала в полиции, а вчера на могиле своего отца пыталась застрелиться. Я помешал, но она в тяжелом состоянии в реанимации. Тут что-то не так, Станислав, меня многое тревожит, и мне многое не нравится. Я не хочу пока инициировать расследование, подключать службу собственной безопасности. Но беда в том, что в палату к Моревой только что пытался снаружи тайком пробраться какой-то человек. Короче, Станислав, ей нужна охрана, и пока лучше обойтись без полиции. Здесь больницу охраняет местная частная охранная фирма. Называется «БРТ-007». Найди через кого-нибудь подход к руководителю этой фирмы. Мне надо, чтобы, не особенно афишируя, они просто охраняли Светлану несколько дней. Долго я в тайне не смогу держать ситуацию, но несколько дней мне надо выиграть.

– «БРТ-007»? Странное название, хотя сейчас придумать что-то оригинальное на этом рынке сложно, их столько развелось. Ладно, будь на связи, я сейчас с одним знакомым свяжусь из Ассоциации охранных предприятий. Какая больница?

– Вторая городская.

Прошло около тридцати минут, в течение которых Гуров разными способами пытался уговорить дежурного врача не вызывать пока полицию и не звонить главврачу домой. В конце концов пришлось предъявить свое служебное удостоверение оперуполномоченного по особо важным делам Главного управления уголовного розыска МВД РФ, и Сергей Сергеевич сдался.

Снизу прибежал охранник, вытянулся в дверях и доложил почти по-военному:

– Товарищ полковник, сюда выезжает директор нашей фирмы с дополнительными силами. Он просил вас быть на месте.

А еще через пятнадцать минут прибыл высокий крепкий мужчина в дорогом костюме. Он коротко представился Берестовым, сообщил, что в курсе событий, его попросили из ассоциации помочь полиции. Он выставляет сменный пост возле отделения реанимации. Охранники не будут выделяться своей формой, одеты в медицинские костюмы. Снаружи за окнами установлено наблюдение.

– Пусть ваши люди снимут веревку и посмотрят, кто и каким образом укрепил ее на крыше, – попросил Гуров. – Видимо, этот парень имеет альпинистскую подготовку.

– Хорошо, – кивнул Берестов. – Вы оставите свой телефон для сообщений экстренного характера?

– Да, звоните мне в любом случае: попытки несанкционированного контакта, сбор сведений, изменения в состоянии раненой. И еще, Роман Тихонович, вы не могли бы взять на себя переговоры с главным врачом по поводу вашего усиления? Все-таки у вас с ним договор на физическую охрану, полиция вроде бы ни при чем. Скажите ему примерно то же, что сказали и мне: что на вас вышли люди из МВД и попросили пока оказать помощь, не вмешивая местную полицию. Думаю, его на несколько дней хватит, нам всего несколько дней надо продержаться инкогнито.

– Хорошо, я утром с ним сам переговорю, – понимающе кивнул директор фирмы.

Вызвав такси, Гуров вернулся в гостиницу и уже оттуда снова набрал Крячко:

– Спасибо, Станислав. Быстро ты, однако, вышел на нужных людей.

– А, ерунда! – отозвался Стас. – Все так, как надо?

– Да, девочка под охраной, местная полиция пока не в курсе. Думаю, этого достаточно. Попробую понять, кто и зачем лез в окно реанимации. Придется как-то активизироваться и выяснить, уже открыто, где и кем работала Морева до последнего времени и что с ней могло приключиться такого, что навело на мысль о суициде.

– Тогда тебе поможет информация о телефонах из ее списка контактов, – заметил Крячко. – Я тебе на электронку отправил распечатку, которую мы получили от сотового оператора. Но основные номера абонентов, с которыми чаще общалась Светлана, – это Семанов Олег Васильевич, Половец Аркадий Андреевич, Дубов Петр Валерьевич и Казарина Ирина Владимировна. Их данные, включая адреса регистрации, я тебе в сообщении на почту отправил. Говорят тебе что-то эти фамилии?

– Две фамилии говорят. Подполковник Семанов – заместитель по оперативной работе начальника Управления внутренних дел по Усть-Владимировскому району, а Половец – начальник отдела уголовного розыска. Интересно, о чем они со Светланой могли так часто перезваниваться.

– Может быть, просто дружба, – предположил Крячко, – а может, она у них была в оперативной разработке или же участвовала в какой-то операции под прикрытием. Мало ли. А остальные двое из списка не мелькали там у тебя?

– Дубов, Казарина? Нет, но я займусь ими. Если это просто друзья, то уже хорошо. Уж друзья-то должны знать, что происходит у подруги.

– Может, и не друзья. Может, один из них дилер сетевой торговли, а она ввязалась в эти дела с целью поправить финансовое положение, расплатиться с долгами. Кто-то из них может быть сотрудником кредитного отдела банка или вообще коллектором.

Утро Гуров начал с целой серии любительских спектаклей. Во-первых, в дежурной части слева от двери, которая вела на лестницу, висел список сотрудников с наименованием должности и номера кабинета. Список довольно внушительный, и, чтобы его весь пробежать глазами, нужно было время. Стоять перед списком и читать фамилии было нельзя, любой человек

сразу поймет, что московский полковник кого-то ищет, а он никаких подозрений вызывать не должен. И чем дольше не будет вызывать подозрений в том, что занят тут еще каким-то расследованием, тем лучше.

Нахмутив брови и опустив плечи, Лев вошел в здание управления. Дежурный привычно поднялся за стеклом, приветствуя его. Он кивнул дежурному и просунул руку под китель, прижимая ладонь к левой части груди. Этот характерный жест не остался без внимания. И когда Гуров, оглянувшись по сторонам, присел на стул у стены и полез в карман за таблетками, дежурный по управлению уже выскочил из своей комнаты и быстро подошел к нему.

– Что случилось, товарищ полковник? Вам плохо?

– Да, что-то прихватило, – тихо ответил Гуров, демонстративно пытаясь делать глубокие вдохи. – Душно что-то с утра. Воды не принесете?

– Да, сейчас! – с готовностью ответил дежурный и поспешил за стаканом.

А Лев неторопливо извлек из кармана заготовленный валидол и сунул таблетку в рот. Он просто сидел и смотрел прямо перед собой, ожидая, когда начнет действовать лекарство и когда его немного «отпустит». Правда, прямо перед ним на стене красовался список сотрудников, но это так... просто совпадение, на которое мало кто мог обратить внимание. Хорошо иметь жену актрису, с удовлетворением подумал Лев, пробегая глазами по списку. Никаких П. В. Дубовых там не оказалось. Был А. Н. Дубривный, была А. С. Дубовицкая, но зато Гуров нашел в списке дознавателя И. В. Казарину. Вот это уже лучше, обрадовался сыщик. И кабинет на том же этаже, что и его временное рабочее место.

Минут десять поизучав список, он отправился по лестнице наверх. Теперь предстояла вторая часть спектакля. Не особенно ломая голову из-за повода, который бы позволил ему войти в чужой кабинет, Гуров прошел по коридору, поглядывая на номера кабинетов. Возле двери с номером 68 и табличкой «Дознаватель старший лейтенант полиции Казарина Ирина Владимировна» он остановился и вежливо постучал:

– Простите, к вам можно войти?

– Да, пожалуйста, товарищ полковник!

Из-за стола поднялась невысокая худенькая девушка в ладно сидящей форме. Пухлые губы, забранные в хвост на затылке светлые волосы и взгляд, в котором не было испуга. Все-таки московский проверяющий вошел, полковник из самого министерства.

– Ирина Владимировна, кажется? – Гуров сделал кивок на дверь.

– Да, чем могу помочь, товарищ полковник? – Пухлые губки растянулись в обаятельной улыбке.

– Да вы садитесь, садитесь, – сделал покровительственный жест рукой Лев. – Я вот чего к вам зашел. Вы все-таки женщина, у вас может быть в кабинете элементарная чайная сода. Понимаете, изжога что-то с утра одолела. А в аптеку еще дойти надо или просить кого-то. Вот я и подумал, что у вас может быть сода.

– Ой! – обрадовалась Казарина и с готовностью бросилась к шкафу, стоящему напротив ее стола. – А ведь и правда есть. Хорошо, что вы ко мне зашли, товарищ полковник. У меня у самой частенько бывает такое. Говорят, просто пищевод так устроен. Вот возьмите, я вам сейчас воды налью.

Девушка протянула Гурову упаковку «Гевискона» и стала наливать в стакан воду из графина, а Лев тем временем осмотрелся в кабинете. Чистенько, по-женски уютно, даже несмотря на казенную обстановку. Казалось бы, обычный офисный стол, кресло, как у всех, небольшой столик слева с графином, стаканом. Салфетка расстелена, а на ней еле заметно отпечатался след электрического чайника. И сейф обычный, как во всех кабинетах, и шкаф у стены. Но вот календарь на стене с кошечками, вазочка с композицией из сухих веточек и эта салфетка – очень по-домашнему.

Посидев немного в кабинете и поболтав с девушкой на общие темы, Гуров изобразил, что ему стало лучше, горячо поблагодарил свою новую знакомую, но тут дверь кабинета открылась, и на пороге растерянно застыл начальник уголовного розыска.

– Виноват, товарищ полковник, – сказал Половец, замерев с автомобильными ключами в руке.

– Вы к Ирине Владимировне? – с важным видом спросил Гуров.

– Я... э-э... собственно, – замялся Половец. – Я к вам, Лев Иванович. Хотел узнать, как продвигается проверка, не надо ли начать что-то устранять в нашей работе, нарушения и тому подобное.

– Нормально продвигается, – сухо ответил Гуров и поднялся. – Спасибо за помощь, Ирина Владимировна. Не смею больше отвлекать вас от работы.

Пройдя мимо посторонившегося майора, Лев прошел по коридору в свой кабинет. Ну вот, подумал он, теперь с Казариной я могу общаться как со знакомой. Можно остановиться в коридоре или даже на улице за пределами здания управления, и это не будет уже выглядеть странным. А вот Половец повел себя странно. Надо приглядеться к майору. Зачем он зашел в кабинет? Почему соврал, что пришел к нему спросить о ходе проверки? Растерялся, увидев в кабинете московского полковника, хотел скрыть, что дело у него было к Казариной? И номера телефонов их обоих в списке контактов Светланы Моревой. Причем наиболее часто созванивавшихся с ней в последнее время. Надо быть поосторожнее с ними с обоими. И надо как-то узнать, работал ли здесь и в какой должности Половец восемь лет назад. И уж тем более в то время в управлении еще не работал Семанов. Откуда он сюда попал, откуда его перевели? Надо наводить справки, но наводить негласно. Нужен человек из отдела кадров. Свой человек. А кто тут свой и кто чужой?

Какие бы тяжелые мысли ни терзали, но проверку нужно проводить, и делать это придется серьезно. Надо как-то поговорить с Казариной. Причем откровенно. Если две девушки работают или работали в одном учреждении, близки по возрасту и в телефоне одной из них вторая числится одним из самых активных абонентов, то вывод напрашивается сам собой: они подруги. Или были ими раньше. Гуров понимал, что выход у него один – надо придумать ситуацию, в результате которой у них может получиться откровенный разговор. Но за весь день он так ничего и не придумал. Надо пройтись по городу, поразмышлять, решил Лев. В управлении, когда постоянно приходят и уходят люди, когда ты по уши в документах, размышлять о втором деле – о Светлане Моревой – очень сложно.

Вечером, сдав ключ от кабинета в дежурную часть, он уже подошел к двери, когда услышал за спиной громкий голос кого-то из сотрудников:

– Петя, Дубов! Подожди...

Лев от неожиданности чуть не замер на месте. Совпадение или и этот персонаж тоже работает в местном Управлении внутренних дел? «А почему я отношу это к категории чуда, – поправил сам себя сыщик. – Вполне закономерно, что в телефоне девушки большая часть звонков от сослуживцев и сослуживцам». В отражении стекла он увидел только светлые волосы молодого человека и спину в форменном кителе. Погон, а соответственно, и звания ему видно не было. Парень, которого называли Петей Дубовым, с кем-то из сотрудников ушел вверх по лестнице. Упускать такой случай было нельзя. Гуров решительно повернулся, снова подошел к окошку дежурного и попросил ключ от своего кабинета, сославшись на то, что забыл взять документы.

– Да, и еще. Вы мне пришлите, пожалуйста, сейчас в кабинет Петю Дубова. Это срочно!

Торопливо вернувшись в кабинет, Лев стал прохаживаться по комнате, заложив руки за спину. Так, теперь надо как-то этого Дубова проверить на знакомство с Моревой. Его или нет номер в телефоне Светланы. Нет, не сразу, надо как-то «пристегнуть» к себе этого Петра Дубова. А об отношениях со Светланой выпытать у него постепенно и незаметно. Спросить,

кем он тут служит, сказать, что как раз его опыт и таланты нужны, и попросить его к себе в помощники на время командировки. Глупо, но пусть это будет выглядеть просто капризом столичного начальника. Вестового себе, ординарца завел. Адъютанта!

В дверь постучали, и тут же молодой энергичный голос доложил:

– Товарищ полковник, курсант Дубов по вашему приказанию прибыл!

Курсант? Гуров, стоявший в этот момент к двери спиной, до такой степени изумился этому обстоятельству, что обернулся довольно поспешно, без должной солидности. Перед ним стоял молодой человек двадцати с небольшим лет, с русыми волосами и лихо задраным чубом над левой бровью. Увидев лицо Гурова, курсант нахмурился. Точь-в-точь как он это делал там, за оконным стеклом, когда висел на веревке на фасаде здания перед палатой реанимации 2-й городской больницы. Лев видел, как на лице молодого человека, не умеющего еще справляться с эмоциями, сменяя друг друга, пронеслись красноречивые мысли и опасения.

Курсант попятился назад, но его следующий шаг был Гурову настолько очевиден, что он бросился вперед и успел ногой ударить по двери, когда Дубов уже приоткрыл ее. В результате парень по инерции въехал лбом в дверь. Резко повернувшись к московскому полковнику лицом, курсант забегал глазами по кабинету. Еще в окно сиганет, подумал Лев. Надо его как-то осадить. Ишь запаниковал.

– Смирно, курсант! – рявкнул он, сделав строгое и непроницаемое лицо. – Как вы себя ведете!

Что-то изменилось в голове парня, наверное, рефлекс повиновения, выработанный за годы учебы, все же сделал свое дело. Он замер на месте, только в глазах у него появилось что-то уныло-обреченное.

– Ну-ка, сядьте на стул, – тихо, но жестко приказал Гуров. – Никто вас расстреливать не собирается. А поговорить у нас есть о чем. Садитесь, Дубов, садитесь!

Парень послушно сел на указанный стул и снова покосился на дверь. Чтобы не искушать его, Лев запер дверь изнутри на ключ и только потом уселся в свое кресло и закинул ногу на ногу, разглядывая курсанта.

– Стажер? Четвертый курс?

– Так точно, – ответил Дубов и опустил голову.

Было видно, что он лихорадочно пытается на ходу придумать хоть какие-то объяснения вчерашнему происшествию. Но Гуров не хотел давать ему времени на придумывание вранья. Надо дожимать парня, пока он растерян.

– Ты давно знаешь Светлану Мореву, Петя Дубов?

– Я... не знаю, я искал знакомого, он должен был в больнице лежать, я сигареты хотел ему передать.

– Фамилия, имя знакомого, как он попал в больницу, с каким диагнозом?

– Что? – нахмурился курсант.

– Ты все слышал! – строго ответил Гуров. – Дурачка не включай, дебилов у нас в высших учебных заведениях МВД не держат. Это я тебе как сотрудник центрального аппарата МВД утверждаю.

– Я не обязан вам отвечать, – неожиданно огрызнулся курсант и шевельнул желваками на скулах.

– Обязан, – устало вздохнул Лев. – Мы с тобой погоны носим, у нас с тобой все регламентировано: кто кому должен подчиняться, кто кому обязан отвечать. Что я тебе рассказывать должен! Ты ведь, как мне кажется, и в армии послужить успел. За Светлану переживал? Искал ее? Все правильно, Петя, беда у нее. Больно говорить об этом, но у Светланы Моревой большая беда. А я ведь ее отца знал хорошо, работал с ним.

– Вы правду говорите? – выпалил курсант, внимательно глядя в глаза полковника.

– Нет, ну это же надо до такого докатиться! Он меня еще и во вранье обвиняет! Это вас там в академии такому учат? Так со старшими по званию разговаривать? Если честно, то я не привык, чтобы меня обвиняли во лжи. У меня, знаешь ли, репутация!

– Что с ней? – коротко спросил Дубов.

– С кем? – лениво поднял одну бровь Лев. Парень косвенно признался во всем одним вот этим вопросом.

– Со Светланой... Светланой Алексеевной.

– Чтобы сказать правду, я должен тебе поверить, – прищурился сыщик. – Могу ли я тебе доверять, Петр Валерьевич? Ты не прост, ты вон на что решился, полез даже в палату к Моревой. Ты в бинокль, что ли, по окнам смотрел? Как узнал, в какой палате она лежит?

– Я следил за ней, – тихо и уже без гонора заговорил Дубов. – На кладбище потерял, там... ну, знакомые были, я не хотел, чтобы меня увидели. Я знал, что она на могилу отца пойдет, а когда прибежал, ее уже увезли на «Скорой помощи». Я людей расспросил, там парень с девушкой были неподалеку. Они рассказали, что Светлана застрелилась. По номеру бригады на машине я узнал, куда Светлану Алексеевну отвезли. Я знаю, где во второй городской больнице реанимация.

– Что с ней происходило в последнее время? – спросил Гуров, чувствуя, что у них с Дубовым получился наконец контакт.

– Она из органов уволилась.

– Почему?

– Затравили. Я не знаю, там какая-то возня вокруг нее нехорошая была. Затравили ее, понимаете! – Дубов снова почти сорвался на крик.

– Тихо, тихо! Ты чего орешь? – укоризненно покачал головой Лев. – Выдержка у тебя, надо сказать, неудовлетворительная. Как ты с такими нервами в академию поступил? Значит, так! Через час мы с тобой встречаемся на набережной у ротонды. Там место тихое, зелени много и фонари редкие. Расскажешь мне про Мореву все. Это мой долг перед ее отцом. А сейчас отпри дверь, и давай-ка с тобой передвинем стол к окну ближе и вот этот сейф на другую сторону перекантуем.

– Зачем сейф-то? – удивился курсант.

– А для чего я приказал тебя в кабинет позвать? Придумай другую правдоподобную причину, которая не вызовет подозрений. Не Половца же мне просить помочь и не Семанова. Давай-ка в темпе, а то мы с тобой и так тут нашумели с многозначительными возгласами. Театр устроили!

Дубов пришел к ротонде на набережной, хотя у Гурова были опасения, что парень снова запаникует. Но, подумав, Лев решил, что курсант уже и так созрел в своем интересе к Моревой, в том, что знает о попытке суицида и даже следил за ней в тот трагический день. Много он успел в кабинете наговорить для того, чтобы попасть под оперативную разработку и, соответственно, в число косвенно подозреваемых в «доведении девушки до самоубийства». Есть такая статья в Уголовном кодексе, 110-я. И о ней курсант Дубов должен быть прекрасно осведомлен.

– Ну что? – вместо приветствия сказал Гуров, когда Петя подошел к нему на набережной. – Давай думать, как нам спасти Светлану. Для начала расскажи все, что о ней знаешь. Откуда, кстати, такие подробности о травле ее начальством? Это ведь как травить надо, чтобы человек решил застрелиться. Может, тут что-то сложнее, а?

– Знаю, – глухим голосом ответил курсант. – Меня к Светлане Алексеевне прикрепили на время стажировки. Я был ее помощником три месяца. Знаете, товарищ полковник, она ведь была улыбочивая такая, веселая. Ну, не всегда, конечно, не на работе. Как юрист, как дознаватель она очень серьезная, знающая, прекрасный специалист. От Моревой я узнал много полезного о практике работы.

– А потом? – спросил Гуров, догадавшись по интонации курсанта, что все изменилось как-то сразу и неожиданно.

– А потом что-то произошло, – вздохнул Дубов и задумчиво стал смотреть на воду, в которой отражались огни фонарей автомобильного моста.

– Рассказывай, рассказывай!

– Она не пришла на работу. Потом появилась на следующий день, и глаза у нее были такие... Как будто она всю ночь плакала. Я пытался расспросить, но Светлана Алексеевна со мной даже разговаривать не стала. Я ничего не знаю, что там произошло, может, нарушение какое-то, может, ее обвинили в чем-то более серьезном. Я видел, как она готовила какие-то документы, отправляла по электронной почте. И на принтере что-то распечатывала и тоже уносила. Я не знаю, кому и о чем она писала. Может, рапорты о проделанной работе или причинах совершенных нарушений при проведении дознания.

– И даже подозревай у тебя на этот счет нет никаких?

– Абсолютно, – отрицательно покачал головой Дубов. – Знаете, товарищ полковник...

– Перестань ты меня все время по званию называть, – раздраженно перебил его Гуров. – Терпеть не могу! Зови меня Лев Иванович.

– Я понимаю, что многого просто не могу знать по своему статусу. Я ведь курсант, стажер. Временный сотрудник. Кто же меня пустит глубже? А она плакала и что-то доказывала кому-то. Начальству, наверное. А потом я узнал, что ее уволили. Или она сама уволилась, не знаю точно. И я почти перестал Светлану видеть. Я знал, где она живет, пытался встретиться возле дома, но она или не замечала меня, или просто игнорировала, смотрела сквозь меня... Как на пустое место!

– Любишь ее? – догадался Гуров.

Курсант промолчал, но его взгляд говорил о многом. Он смотрел вдаль, на ночную Волгу, а видел, кажется, совсем другое. Наверное, свои мечты о том времени, когда они будут вместе. Может быть, катер, несущийся по просторам водохранилища, палатка на берегу в тени больших ив на уединенном острове. И счастье вдвоем, которого нет и, наверное, уже не будет.

– Да, – после долгого молчания ответил Дубов. – Люблю. Если я был хотя бы лейтенантом в штате управления, тогда мог что-то узнать или доказать. А с курсантскими погонами что я могу? Только смотреть, как она мучается. А теперь еще и понимать, что она чуть не погибла.

– Ладно, это понятно, что она тебе ничего не рассказывала, – прервал Лев самобичевание курсанта. – Ты для нее только стажер, и все. Но неужели она не плакалась в жилетку подруге, не рассказывала ей, не уединялась в кабинете, не шепталась? Ты мог слышать обрывки разговоров о делах Светланы.

– Это вы о ком? О какой подруге?

– Об Ирине Казариной. Она дознаватель в отделе, где и Светлана работала.

– Казарина? А они разве подруги? По-моему, они почти не общались. Здоровались только, и все. Я даже за эти три месяца ни разу не видел, чтобы Морева к Казариной в кабинет заходила или наоборот. И на совещаниях они никогда рядом не сидели, как это обычно у подруг бывает. Я почему вам так подробно об этом говорю, я ведь и сам пытался понять, с кем тут Светлана Алексеевна близка, через кого можно узнать о том, что с ней творится. Нет, с Казариной они никогда не дружили.

Интересно, подумал Гуров, дружба какая-то тайная. На людях две девушки абсолютно равнодушны друг к другу, а тайком перезваниваются. Ведь Казарина, судя по выписке от сотового оператора, один из активных абонентов Моревой. А может, это внешнее равнодушие стало проявляться только после неизвестного происшествия, после которого началась травля Моревой начальством?

– Слушай, Петя, а сейчас, когда ты уже не помощник Моревой, что входит в твои обязанности, у кого ты теперь стажировку проходишь?

– Пока ни к кому не прикрепили. Мальчик на побегушках в основном, – недовольно дернул плечом курсант. – То в уголовный розыск пошлют для помощи – в обыске участвовать, понятых пригласить, поквартирные обходы делать, то к дознавателям, то в дежурной части. Если честно, я каждый день иду в управление и не знаю, у кого и чем буду заниматься. Я спрашивал подполковника Семанова. Мне ведь важно, кто будет мне подписывать документы и отзывы о стажировке. Он сказал, мол, не волнуйся, все будет красиво и на «отлично».

– Ничего, Петя, – похлопал парня по плечу Лев. – Это у тебя погоны курсанта, а у меня полковника. И я давненько на оперативной работе. Мы с тобой разберемся вместе. Поможешь мне?

– Помогу! – Глаза у Дубова загорелись. – А у вас есть права, чтобы разбираться, вы сможете привлечь по закону, если кто-то и правда виновен в том, что случилось? Даже если Светлана сама виновата в каком-то нарушении, если она решила покончить с собой из чувства вины, я все равно вам помогу. Я просто должен знать, что произошло!

– Вот и хорошо, – кивнул Гуров. – Давай-ка мы с тобой завтра навестим больницу и узнаем, как там наша подопечная. Посмотришь на нее, убедишься, что твоя Светлана жива.

– А это можно? – Дубов от возбуждения чуть не схватил полковника за руку, но вовремя опомнился. Не зря тот намекал ему на выдержку, которой парню явно не хватало.

В гостиничном номере Лев первым делом принял душ. Он долго стоял под горячими струями воды, подставляя им лицо, плечи, грудь. Это расслабляло, давало возможность снять напряжение дня. Зато голова начинала мыслить снова ясно и четко. Усевшись в халате на кровать и подложив под спину повыше подушку, Лев откинулся на нее и взялся за распечатки. А Крячко молодец, сообразил и запросил не только стандартные выписки. Сотовые операторы обычно в выписки включают соединения не короче трех секунд, но Станислав запросил детализацию номера с отображением «попыток вызовов / пропущенных звонков».

Получалось, что несколько звонков от Казариной Светлане Моревой проходили, они разговаривали по три секунды, по минуте, а то и по две. А потом – сплошные пропущенные. Морева не брала трубку, а Казарина ей названивала почти каждый день. И это притом что они не подруги. Или уже не подруги, а ведь могли ими быть раньше, а потом рассориться. Дубов этого может не знать.

Лев бросил распечатки на одеяло и прикрыл глаза. Какие могут быть причины? Бывшие подруги поссорились. Но в это же время начинается травля Моревой руководством Управления полиции. Казарина звонит, чтобы сообщить Светлане, что против нее замышляют травлю? Она звонит как бывшая подруга по поручению начальства, чтобы Мореву в чем-то убедить? Звонит по собственной инициативе, чтобы сказать Моревой, что все знает и осуждает ее? Если Казарина и Морева были подругами, то раньше они просто обязаны были обмениваться звонками.

– Стас, как там Москва?

– О, кого я слышу! – ответил в трубке обрадованный голос Крячко. – Как ты там? Нужна еще помощь?

– Нормально. Запроси еще распечатки, только за более ранний срок. Ты прислал за последние два месяца, а мне нужно еще за последние четыре. Есть подозрение, что как раз на этой границе и происходило что-то важное. Мне нужны контакты за тот период.

Информация пришла Гурову на почту в одиннадцать часов утра. Пришлось закрывать кабинет и отправляться в гостиницу, чтобы там просмотреть полученные сведения. Удобнее было бы информацию распечатать на бумаге, но сейчас на это времени не было. Выходить в Интернет с компьютера управления тоже не хотелось. То, что увидел Лев, заставило его глубоко задуматься. Картина начинала вырисовываться довольно интересной. До начала всех неприятностей у Моревой Казарина ей со своего мобильного не звонила. То есть ни разу. Слово

«подруги» в своей виртуальной схеме, которую он держал в голове, Лев зачеркнул. Все факты, включая показания Дубова, говорили, что подругами девушки не были никогда. Загадка звонков с мобильного телефона Казариной Светлане пока так загадкой и осталась.

Но был в списке контактов Моревой и еще один сюрприз. Некий Вячеслав Павлович Базанов, житель Самары. И звонков от этого Базанова было тоже заметно больше, чем от остальных абонентов. Самое интересное, что сначала Светлана отвечала на звонки Базанова, а потом перестала. Только пропущенные. Видела, кто звонит, и не брала трубку? И именно в тот период, когда у нее, по мнению Дубова, начались проблемы на работе, когда на нее стало давить начальство. Не верить Дубову оснований не было, он ведь все время был рядом с Моревой, фактически свидетель всего происходящего. Курсант только причин не знал. А месяц назад Базанов вдруг перестал звонить Моревой. Не позвонил больше ни разу. Решил оставить в покое или какая-то иная причина?

Глава 3

– Роман Тихонович, ничего, что я вас беспокою так поздно?

– А, здравия желаю, товарищ полковник! – Голос директора охранного предприятия звучал бодро, несмотря на полночь. – Для меня это не поздно. Работа такая, что все проблемы норвят подкараулить как раз ночью. У нас дневное время самое спокойное. А вы чего не спите? С вашей подопечной вроде все нормально, стабильное состояние, попыток вступить в контакт больше не было.

– Я как раз и звоню вам из-за Моревой, – подтвердил Гуров. – Меня беспокоит, не будет ли у вас проблем из-за самоуправства. Все-таки вы не полиция и...

– Вот тут как раз все в порядке, Лев Иванович, – перебил его Берестов. – У меня договор с больницей на физическую охрану. И то, как мы обеспечиваем безопасность, – дело только нашей фирмы и руководства больницы. Добавлять посты охраны или нет, увеличивать количество моих сотрудников на территории больницы или нет – дело только наше, в рамках нашего договора. Так что не волнуйтесь на этот счет, здесь все законно.

– Ну, хорошо. Я хотел вас попросить, Роман Тихонович, предупредите ваших людей, что завтра вечером я приеду навестить девушку вместе с одним парнем. Мы просто посмотрим на нее через стекло из коридора. В палату входить не будем.

– Все понял, вопросов не задаю, – усмехнулся Берестов. – Надо, значит, надо. Я предупрежу смену, только вы им удостоверение покажите, на слово они вам не поверят. Дисциплина!

– Рад, что я к вам обратился, – ответил Гуров. – Вы мне очень помогаете, Роман Тихонович.

– Надеюсь, – странным голосом ответил директор ЧОПа. – Жизнь научила читать между строк и слышать между фраз. Удачи вам, Лев Иванович!

Доктор Польшов рассказывал о состоянии Светланы подробно, стараясь не использовать медицинскую терминологию, а обходиться понятиями из обычной жизни. В прошлый раз он не сказал, не пришлось к слову, что именно он лечащий врач Моревой и именно он делал ей операцию. Бурные события той ночи прервали общение. А сейчас Гуров, сидя в ординаторской вместе с Петей Дубовым, радовался, что именно Польшов оказался лечащим врачом Светланы. Обстоятельный, неторопливый, заботливый. Как-то вся его внешность и манера общения располагали к симпатии. Тем более к симпатии профессиональной.

– Вы пока не переживайте раньше времени, – улыбнулся доктор. – Нервы надо беречь, отрицательные эмоции разрушают организм. Пока все стабильно, а раз стабильно, значит, организм сам борется, старается, использует свои резервы. А у молодых людей возможности организма в определенной степени безграничны. Молодой организм живет в гармонии с окружающей средой, он черпает энергию извне. Знаете, у геронтологов есть свои наблюдения. Если человеку за восемьдесят, то он уже растерял все возможности использовать внешние ресурсы и использует только внутренние резервы. И любая травма, даже перелом, для организма фатальны в таком возрасте. Организм залечит перелом, но истратит для этого все ресурсы. Многие старики, которые вроде бы жили и бодрствовали, и ничто, так сказать, не предвещало, а один перелом – и все, сторел человек меньше чем за год. Вот так-то! Сложная это штука – человеческий организм.

– Хорошо, – согласился Гуров и похлопал Дубова по колену. – Будем стараться пока не волноваться попусту. Правда, Петя? Светлана держится молодцом, ей пока лучше оставаться в коме. Организму виднее.

Охранник, проверив документы у Гурова, вежливо отошел в сторону, но не стал отворачиваться. Лев смотрел на лицо девушки и думал о том, что ее ждет, когда она начнет выздорав-

ливать. Сейчас ей, наверное, спокойно там, в своем небытии. Передышка, тайм-аут. А потом ведь придется снова бороться, снова столкнуться с тем, что преследовало ее до сих пор и привело к тому, что она взялась за пистолет. А ведь в этом что-то есть, неожиданно подумал Лев. Почему не петля на шее, не вскрытые вены в ванной, не газовая духовка, в конце концов? Почему именно пистолет? Ведь его надо где-то добыть, купить на черном рынке. Это было не табельное оружие, табельное осталось в управлении.

Он повернул голову и украдкой взглянул на Дубова. О, сколько всего в его лице! Парень ведь и правда любит Светлану. А что, хороший парень, целеустремленный, профессию выбрал трудную, но выбрал осознанно, когда уже армия была за плечами. Нормальный путь нормального мужика. И влюбился не в вывихнутую красотку из ночного клуба, а в коллегу. Знает ведь, что с такой будет не просто, слабые в полицию не идут работать. И вот, сразу столкнулся со сложностями.

А у Пети Дубова действительно в душе было сложно. Он влюбился в умную, красивую девушку – старшего лейтенанта полиции. Она была для него и авторитет, и мечта, и своего рода маяк на жизненном пути. Да, ему надо было стать не хуже, а лучше Светланы, потому что он мужчина, а она женщина. Он должен добиться в ее глазах многого, чтобы она обратила на него внимание, оценила его. Полюбила. Он очень старался быть для нее хорошим помощником. Ему хотелось, чтобы она оценила его с профессиональной точки зрения, общаться с ней на равных, чтобы Светлана Алексеевна видела в нем не курсанта-стажера... А что теперь? Теперь только ждать, когда она поправится, и начинать все сначала. А начинать сложно, потому что Светлане и без того очень плохо, а тут еще он со своими симпатиями. И как оно все будет...

– Ну, начинаем работать, Петя! – строго заявил Гуров, когда они вышли на ночную улицу. – Девушку надо спасать, надо во всем разобраться, причем быстро, нет у нас с тобой времени. Ты ее любишь, у тебя долг сердца. У меня долг офицера, долг перед ее погибшим отцом. И вообще, мы с тобой присягу принимали защищать людей. Вот и давай займемся тем, что исполним свой долг. Готов?

– Готов, Лев Иванович!

– Твоя задача – наводить справки и получать информацию о том, что случилось с Моревой, почему ее начали травить и в конце концов уволили из органов. Я не могу прямо запросить отдел кадров – это привлечет внимание. Нельзя, чтобы кто-то понял, что я интересуюсь этим делом. Если Светлана и правда совершила что-то, из-за чего ее по закону уволили...

Дубов резко остановился и, негодуя посмотрев на Гурова, выпалил:

– Знаете, что, товарищ полковник! Я, конечно, благодарен вам за желание помочь Светлане Алексеевне. Но это не дает вам права сомневаться в честности девушки, которую вы совсем не знаете!

Гуров повернулся и медленно подошел к курсанту, покусывая губу и с сожалением глядя на него:

– Знаешь, Петя, тебе еще многому придется научиться, чтобы стать настоящим профессионалом. Нет, я не имею в виду, что ты должен стать недоверчивым и подозревать во всех смертных грехах самых близких тебе людей. Тебе предстоит учиться хладнокровию, сдержанности. Учиться понимать, что вырвавшееся сгоряча слово порой может все испортить до такой степени, что исправить ситуацию тебе не хватит жизни. А еще изгонять из себя субъективность и учиться абсолютной объективности. Как я могу сомневаться в честности девушки, которую совсем не знаю? – горько усмехнулся Лев. – Ты хоть понял, какую сейчас глупость брякнул? Сомневаются как раз в тех, кого знают плохо. А в тех, кого знают хорошо, не сомневаются, их знают. Этот способен на то, а вот этот на это. А еще тебе придется учиться серьезно относиться во время расследования ко всем версиям, даже самым маловероятным. И неприятным. И отрабатывать их все с неизменной тщательностью и профессионализмом. Да, я не знаю Светлану

Мореву. Но расследовать обстоятельства, которые привели к трагедии в ее жизни, я буду объективно, непредвзято, профессионально. Так, как мне велит не только мой долг, но и мой опыт.

– Мне-то вы хоть верите? – спросил Дубов унылым голосом.

– Нет, – спокойно ответил Гуров.

– Ни фиги себе! – то ли разозлился, то ли восхитился курсант. – И вы так спокойно об этом говорите? Хотите использовать мою помощь в этом деле, а сами мне ни на грош не верите?

– А как я должен был об этом сказать, если не спокойно? – улыбнулся Лев. – Заорать на всю улицу, со стенаниями, ломая себе руки и заглядывая виновато тебе в глаза? Вообще-то я могу и так, у меня жена актриса. И потом, кто тебе сказал, что я не верю тебе «ни на грош»? Я «просто» тебе не верю. И всего лишь потому, что совсем не знаю тебя. Но то, насколько я тебя узнал и вижу твои качества, говорит мне, что доверять тебе в этом деле придется. Например, если ты будешь постоянно меня слушаться и перестанешь истерить.

– Что мне делать? – опустил голову пристыженный курсант.

До закрытия кафе оставалось еще час, но, кроме Гурова и Дубова, в нем уже никого не было. Сыщик рассказывал своему молодому помощнику, как собирать информацию, как задавать вопросы, чтобы они не вызвали подозрений. Первое, что необходимо было понять, – это то, в чем обвиняют Мореву, из-за чего она уволилась из органов. Пусть даже это и официальная версия, не имеющая отношения к правде. С этого следовало начать. И поняв, кому нужна или выгодна официальная версия, можно будет догадаться, что же произошло на самом деле. Гурову тоже не очень верилось, что Светлана нарушила закон или служебный долг. Он слишком хорошо знал ее отца и знал, что дочь Алексея Морева вся в него. По крайней мере, очень маловероятно, что действительно была вина Светланы в каком-то важном деле, а если и была, то неумышленная.

– Но это одно направление наших с тобой розысков, – продолжал Гуров, стараясь говорить так, чтобы поддерживать у Пети чувство важности их расследования и собственной значимости. – Второе направление – это изучение ее контактов. Ты не знаешь, с кем она дружит или дружила, и постарайся это выяснить через тех, с кем она была хоть в какой-то мере близка или откровенна. Но у нас есть еще ее телефон. Мне прислали через Москву распечатки звонков, как состоявшихся, так и пропущенных. Одновременно отрабатывать всех у нас не хватит сил, поэтому будем работать методично, но быстро.

– Казарина? – спросил Дубов.

– Совершенно верно. С ее телефона были частые звонки на телефон Светланы, а потом Светлана перестала брать трубку. И это началось, когда на нее стали давить и травить ее. Это выяснишь ты, ненавязчиво в разговорах и между делом. Как – я тебя научил. Но есть у нас еще несколько контактов из телефона, с которыми надо разобраться, понять, в каких они отношениях с Моревой и имеется ли связь с трагедией. Начнем вот с этого телефона: Марина Валентиновна Полторащевская. Зарегистрирована в Пензе, и номер сотового оператора тоже пензенский.

– А кто она и чем нам интересна? – спросил Дубов. – Она тоже звонила Светлане Алексеевне?

– Да, около трех десятков звонков в течение почти двух с половиной месяцев, а потом как отрезало. «Отрезало», кстати, как раз в то время, когда у Светланы начались проблемы на службе.

– Другой город, уже настораживает, – согласился Петя.

– Давай-ка попробуем узнать об этой женщине побольше, – предложил Лев. – Фамилия редкая. При имеющемся сочетании имени и отчества, думаю, у нас вариантов в соседнем областном центре будет немного.

– Через социальные сети? – догадался Дубов и полез в карман за смартфоном.

Гуров с удовольствием смотрел на парня. Молодец, на лету схватывает. Как говорит Крячко: «Двадцать первый век на дворе». Сейчас помощь можно получить из самых неожиданных источников, не то что в прошлом веке, когда он начинал работать в МУРе. Большое дело – социальные сети, Интернет, мобильная связь.

– Смотрите, – многозначительно поднял указательный палец Дубов, продолжая смотреть на экран смартфона. – Зарегистрированных в «Одноклассниках» Полторашевских женского пола, проживающих в Пензе, всего одна! Вот так! Ларчик просто открывался! Стоп, Лев Иванович, давайте-ка я проверю еще в «ВКонтакте», в «Инстаграме» и...

Гуров не мешал. Хорошо, что Петя в этих делах как рыба в воде. Он посмотрел на часы. Без двадцати одиннадцать. Еще двадцать минут до закрытия летнего кафе. Вон девушки уже и кофемашину выключили, стойку протирают. Нельзя Дубова вести в гостиницу, там за ним могут наблюдать, ведомственное учреждение, черт его знает, какой там надзор. Может, они тут на командированных компромат собирают. А он не просто командированный, он – проверяющий, на него найти возможность давить, чтобы нарушения скрыть, – святое дело. А если кто-то уже понял, что его заинтересовала судьба Светланы Моревой, и хочет скрыть все, что с ней на самом деле произошло, тогда следить будут очень плотно. Ведь до сих пор никаких сведений не поступало, что гражданка Морева Светлана Алексеевна пыталась покончить с собой на кладбище на могиле своего отца. А Дубов – единственный помощник, причем самый удобный. Он не в штате управления, у него больше возможностей, потому что он вне подозрений. Пока. И этот его статус надо сохранить подольше.

– Ну что?

– Да супер просто, Лев Иванович! – заулыбался курсант. – Она и в «ВКонтакте» есть, и в «Одноклассниках». И вообще, она с такой фамилией одна. А еще у нее есть свой бизнес и... телефон. – И он медленно продиктовал полковнику номер.

– Ты что завис-то? – рассмеялся Гуров. – Давай читай, что там есть из личных данных, какие темы в постах, что о ней еще можно почерпнуть?

– Простите, но нам нужно уже закрываться. – Подошедшая официантка смотрела вежливо и даже как-то умоляюще.

– Это вы нас извините, засиделись у вас. – Лев поднялся и махнул рукой Дубову.

Они отошли подальше от кафе в безлюдную часть набережной, и он еще раз посмотрел на часы.

– Запоминай, напарник! Ты со мной знаком, потому что я тебя позвал один раз передвинуть в кабинете сейф. Ты только вежливо здороваешься со мной при встрече. Без предварительной договоренности не встречаемся. И помни, что за тобой может быть установлено наблюдение. Мы не знаем, во что вляпалась твоя Светлана Алексеевна, поэтому надо быть предельно осторожными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.